

и скомпрометирована несоответствием ее догматики современной картине мира и собственной социальной практикой, направленной на оправдание и закрепление существующего порядка вещей. Неудивительно, что люди, в особенности молодежь, устремляются на поиски новых путей и становятся жертвами «пророков», указывающих эти мнимо спасительные пути. В общем, однако, автор делает правильный вывод, характеризующий социальную основу движения «новых культов»: «выбитые из общественной колеи люди составляют основную массу их последователей», надеясь обрести «сиюминутное избавление от мучающих их кошмаров» или «коренное преобразование общества на принципах нового религиозного учения» (с. 50). Но, правильно комментирует автор данный тезис, «эта дорога, как свидетельствует история, ведет в никуда. Религиозные культы возникают, развиваются и исчезают... Но проходит некоторое время, и они все же исчезают, поглощенные водоворотом событий, погребенные под несбывшимися надеждами своих приверженцев, чтобы уступить место новым „откровениям“ и новым „пророкам“». Многие нетрадиционные культы, и религиозные течения, играющие ныне определенную роль в духовной жизни американского общества, не являются в этом отношении исключением из общего правила» (там же). Вряд ли автор хотел этим сказать, что общим правилом является быстрое исчезновение всех возникающих религиозных конфессий, ибо такое «правило» опровергается фактом устойчивого существования традиционных религий на протяжении тысяч лет, но некоторая небрежность самого изложения побуждает истолковать сказанное именно в смысле этого несуществующего «общего правила». Что же касается современных религиозных новообразований, то автор прав в отношении их недолговечности.

Большое внимание в рецензируемой книге уделено распространенным среди негритянского населения Америки синкретическим афро-американским культам. Нельзя, однако, здесь не отметить наличия в тексте некоторых неточных положений. По его смыслу можно понять, что чуть ли не все негры в разных странах Америки привержены к афро-американским культам. Автор пишет: «У американских негров есть свои боги, свои культы, отличные от богов и культов белого населения» (с. 123). И уже отсюда вытекает вопрос: «Почему же негры питают такое недоверие к традиционному христианству?» (там же). Между тем большинство негритянского населения, например, в США включает в себя последователей именно традиционного христианства, в частности баптизма. Это обстоятельство тем более существенно, что и приверженцы синкретических афро-азиатских культов вовсе не порывают связей, например, с католицизмом; во всяком случае, в их святилищах мирно уживаются иконы Богородицы и распятия с фетишами совершенно африканского происхождения. Кстати сказать, автор и сам отмечает это обстоятельство (с. 252). Поскольку это так, то делается несколько беспредметной ссылка на то, что христианство скомпрометировано в глазах негров поддержкой, которую оказывала католическая церковь в свое время институту рабства (с. 253—254, 268).

Отмечая сильные стороны рецензируемого издания, его насыщенность материалом, точность и тонкость анализа, хорошую литературную форму, приходится в то же время указать и на наличие в нем некоторых погрешностей редакционного порядка. Местами в тексте, видимо, произведены сокращения, сделавшие его смысл недостаточно понятным. Вот, например, рассказывается о «религии ЛСД» и исповедуемом ее приверженцами «психоделизме». Сообщается, что «своим происхождением слово „психоделизм“ обязано основоположнику „религии ЛСД“ американскому психологу Тимоти Лири» (с. 59). Ждешь, что тут же будет объяснено значение и ЛСД и психоделизма. Но никакого объяснения нет, дело ограничивается разговорами о «психоделических средствах» и «психологических ощущениях», которыми оперирует все та же таинственная ЛСД. Можно указать в этой связи и на невразумительно составленную таблицу, приводимую на с. 137.

В общем же, учитывая познавательную и идеологическую ценность книги И. Р. Григулевича, можно с уверенностью сказать, что советский читатель отнесется к ней с вниманием и интересом.

И. А. Крывелев

НАРОДЫ СССР

Е. Н. Данилова. Абазины (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX в.). М.: Изд-во МГУ, 1984, 145 с.

Проблема сельской общины — одна из наиболее сложных и до сих пор все-таки недостаточно исследованных в отечественной историографии. Об этом свидетельствует, в частности, недавно прошедшая на страницах журнала «Советская этнография» дискуссия, раскрывшая значение сельской общины как регулятора крестьянской жизни, хранителя традиций¹. Монография Е. Н. Даниловой затрагивает эти важные вопросы,

¹ Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций. — Сов. этнография, 1984, № 5. См. также дискуссию по этой проблеме: Сов. этнография, 1984, № 6; 1985, № 1, 2.

Однако не только они оказываются в исследовательском поле автора. Основная проблема работы, определенная в ее названии,— хозяйство и общинная организация абазин. В связи с этой проблемой рассматриваются и другие вопросы: динамика расселения абазинского этноса в XIX в., формы семьи, патронимия, некоторые аспекты общественного быта. Но, конечно, их изучение подчинено главной идее исследования — анализу сельской общины в целом ряде ее проявлений, в самых разных ее аспектах.

Характеризуя монографию Е. Н. Даниловой необходимо подчеркнуть еще один важный момент. По существу рецензируемый труд — один из немногих в кавказоведческой литературе, специально посвященный абазинам — ныне небольшому по численности этносу Северного Кавказа².

Все сказанное уже дает право высоко оценить данную публикацию, которая во многом заполняет имеющиеся по целому ряду вопросов лакуны.

Особо следует остановиться на источниковой базе монографии. Автор широко использует документальные материалы, выявленные им в архивохранилищах Москвы, Тбилиси, Краснодара, Орджоникидзе, Нальчика. Многие из этих источников впервые вводятся в научный оборот. Немалое и важное место в работе занимают полевые этнографические материалы по абазинам, собиравшиеся автором во время экспедиций в Карачаево-Черкессию. Использована также значительная по объему специальная литература.

Структурно рецензируемая работа состоит из введения, содержащего некоторые теоретические установки (здесь же сформулированы конкретные задачи исследования, дана характеристика источников и литературы), четырех глав, заключения, глоссария, названий архивных фондов, использованных работ.

Предваряя основную часть работы автор в первой главе сообщает самые необходимые исторические сведения об абазинах, характеризует степень изученности этого этноса, дополнив и уточнив уже имеющиеся в специальной литературе сведения на основе новых архивных данных, прослеживает изменения в расселении абазин на протяжении всего XIX в. Эта глава опирается на уже имеющиеся исследования по различным вопросам этнографии абазин Л. И. Лаврова, Е. П. Алексеевой, Н. Г. Волковой, Ш. Д. Инал-ипа и др.

Основная часть монографии — вторая — четвертая главы. Исследуя общину на абазинских материалах, Е. Н. Данилова справедливо обращает внимание на то, что в кавказоведческой литературе до сих пор нередко преувеличивается пережиточность института соседской общины. В то же время приводимый в рецензируемой работе материал свидетельствует о большой роли общины в жизни абазин в XIX в. (особенно в первой его половине), в условиях, когда общественно-политическая система этого народа, как, впрочем, и других народов Северного Кавказа, еще не достигла уровня государственности. Община составляла основной элемент этой системы. Автор рассматривает общинную организацию феодального периода в качестве нового этапа ее развития, увязывает изучение сельской общины с дискуссионной проблемой становления и дальнейшего развития «кавказского» горского феодализма и появления начатков капиталистических отношений.

Исследуя соседскую общину, Е. Н. Данилова, по сути, освещает широкий круг вопросов социально-экономической истории абазин, прослеживает перемены в экономических и социальных условиях существования абазинской общины, в ее структуре, организации внутренней жизни в до- и пореформенный периоды.

Каждая из трех основных глав посвящена определенному кругу вопросов, связанных с сельской общиной. Так, вторая глава «Хозяйство и особенности производственных отношений в соседской общине абазин» характеризует экономические основы сельской общины. Подчеркивая комплексный характер экономики абазинского народа на протяжении всего XIX в., автор анализирует соотношение разных видов хозяйства в до- и пореформенный периоды, описывает основные занятия абазин. При этом убедительно показана преобладающая роль скотоводства в их хозяйстве вплоть до 70-х годов XIX в.

Особое внимание уделено земельным отношениям, раскрыты их сложность и своеобразие. Во второй главе достаточно убедительно показаны сущность и пути становления феодальной собственности на землю, незавершенность этих процессов у абазин к моменту проведения земельной реформы на Северном Кавказе в 1860—1870-х годах. Представляется также интересным и достаточно обоснованным мнение автора о наличии у крестьян — свободных общинников — земельных участков в частном владении.

Столь же важна и другая проблема, поднятая в этой же главе, — о земельных переделах в абазинской (шире — северокавказской) общине. Проводились ли они регулярно, нерегулярно или их вообще не было? По-разному отвечают на этот вопрос исследователи, занимающиеся даже одним и тем же этносом (см., например, литературу об адыгах). Очевидно, единообразия тут не могло и быть. Но, как правильно замечает Е. Н. Данилова, эту проблему надо увязывать с процессом «утеснения» в земельных владениях той или иной общины, с реальным землевладением разных групп населения общины. Мне кажется, что вывод Е. Н. Даниловой об отсутствии регуляр-

² Опубликованная в 1955 г. часть кандидатской диссертации Л. И. Лаврова «Абазинцы» (Кавказский этнографический сборник, I) а также ряд его статей посвящены в основном вопросам социальной, политической и этнической истории абазин и не касаются сельской общины.

ных земельных переделов в дореформенной общине абазин, о наличии захватно-займочной формы землепользования представляется вполне аргументированным. Убедительны также приводимые в книге данные о появлении регулярных переделов земли в пореформенное время.

Всестороннее изучение сельской общины естественно подводит автора к попытке объективно оценить уровень развития феодальных отношений абазинского этноса. Е. Н. Данилова характеризует их как раннефеодальные, подчеркивая при этом многоукладность абазинского общества.

Вторая глава книги — одна из наиболее насыщенных фактическим материалом и важных для понимания изучаемой проблемы. Помимо названных вопросов в ней характеризуются многообразные традиционные трудовые объединения, их функции и состав (здесь особенно удачно вводится полевой материал). Показано также влияние развивающихся капиталистических отношений на характер этих трудовых сообществ. При сохранении формы меняется сущность таких трудовых объединений: из институтов родственной и соседской взаимопомощи они превращаются в институты эксплуатации кулаками своих родственников-бедняков.

Закономерным продолжением второй является третья глава, в которой рассмотрена внутренняя структура соседской общины абазин, показана большая роль в ней родственных коллективов — большой и малой семей, патронимий. Очень интересна мысль автора, логически вытекающая из анализируемого в главе материала, что дореформенная сельская община абазин включала только все свободные сословия. Крепостные и рабы не считались членами общины (с. 103—105). Таким образом, территориальная община абазин объединяла не весь этнос, а лишь часть его.

Последняя, четвертая глава монографии посвящена органам управления абазинской общины. Безусловным достоинством этой главы является анализ динамики форм общинного управления, рассмотренных на протяжении двух периодов — дореформенного и пореформенного.

Итак, перед нами серьезное и оригинальное этнографическое исследование, во многом основанное на новых материалах и по-новому ставящее ряд важных и малоисследованных вопросов этнографии абазин. Решение многих из этих вопросов ценно не только для понимания истории абазин, но гораздо шире — Кавказа в целом. Разумеется, не все вопросы освещены в монографии равномерно. Так, видимо, следовало полнее охарактеризовать положение основных категорий общинного населения — свободных крестьян — *анхаю*, вольноотпущенников — *азатов*, мелкого дворянства — *азмиста*. Указанные категории — самые многочисленные, причем любопытно, что удельный вес агмиста в составе общинного населения даже несколько превышает удельный вес анхаю и азатов (см. табл. 5, с. 94). Этот факт требует особого истолкования. Правильно поставлен вопрос о том, что традиционный хозяйственный уклад абазин способствовал устойчивости общинных порядков. Но хотелось, чтобы эта важная проблема была рассмотрена обстоятельнее. Следовало также уделить больше внимания общественному, а точнее, общинному быту абазинского крестьянства в прошлом, шире привлечь собственно полевые этнографические материалы.

Эти пожелания не меняют общего отрадного впечатления от работы Е. Н. Даниловой. Книга иллюстрирована: некоторые рисунки и фотографии публикуются впервые.

Монография Е. Н. Даниловой привлечет внимание не только специалистов. Все, кто интересуется историей и этнографией народов Северного Кавказа, найдут в ней много нового и интересного.

Л. Б. Заседателева

М. Я. Жорницкая. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1983, 151 с.

Рецензируемая книга — один из немногих трудов, посвященных этнографическому изучению хореографического искусства. В основу исследования положен полевой материал, собранный автором на огромной территории в экстремальных бытовых условиях: записаны и изучены танцы азиатских эскимосов, чукчей, коряков, ительменов. М. Я. Жорницкая проявила себя как человек, преданный своему делу, истинный полевик-этнограф, не останавливающийся перед трудностями.

В целом работа проникнута большим уважением и любовью к хореографической культуре эскимосов, чукчей, коряков и ительменов и ее носителям.

Помимо собственных записей, делавшихся в течение многих лет, автор проанализировал все доступные архивные и литературные данные.

Для того чтобы танец стал предметом этнографии, нужно его комплексное изучение — записи «кинетического, музыкального, словесного текстов танца» и некоторых других связанных с ним явлений. Именно М. Я. Жорницкая первая начала комплексную запись хореографического наследия народов Севера, разложив танец на единицы движения и описав каждый элемент. На этом материале она вместе с Ж. К. Хачатрян провела апробацию методики записи танцев, предложенной основоположницей советской этнохореографии Србуи Лисициан, и еще раз подтвердила универсальность и математическую точность этой методики.

В книге изложены основные принципы записи и, самое главное, помещены 11 кинетограмм танцев изучаемых народов. Чтение кинетограмм дает возможность точно воспроизвести танец со всеми его нюансами, в то время как посредством словесного описания он может быть восстановлен лишь приблизительно.